

Как не хочется повторять то, что не только давно известно, но и давно надоело. Но поскольку ничего нового сказать не дано, а душа горит – высказаться надо, буду повторяться.

В общем, я про место обитания. Нет, не про Олимп, где небожители, а про Парнас, где поэты. (Который, по существу есть поэтический Олимп!). Впрочем, поэты те же небожители. Во всяком случае те из них, которые недостижимы в своём творчестве, неоднозначны, нехватны. Они на вершине поэтического Олимпа, рядом с богами. Они дышат одним воздухом с ними, они посвящены в их планы, мысленно беседуют с ними. И они говорят голосами богов: изливают божественные откровения, ничуть не стесняя себя формой, ломая старое и привычное. И делают это так смело и изящно, что рождают новое, не существующее до них.

Эти поэты говорят голосами мудрых, всевидящих, любящих богов. Но мудрые боги Олимпа не любят себе равных, между собой ладят не очень, а тут – люди. На беззащитных, оторванных от земли поэтов изливаются вся ревность и весь гнев богов оттого, что сами они говорить не умеют, оттого, что за них говорят обыкновенные смертные. Не каждый человек вынесет соседство богов. Это место гениев, одиночек, тех, кто погружён в поэзию, как в жизнь: до конца, на смерть. Их часто не понимают и потому не принимают современники. Поэтому и слава у гениев часто посмертная.

Ниже, на склонах Олимпа, обитают выдающиеся поэты, мастера, те, которые смогли подслушать мысленные беседы богов, возвыситься до прозрения божественных истин и во-

плотить их в совершенных формах. Они оригинальны, мудры, тонки, изящны, глубоки, высоки, широки. Даже не знаю, какие ещё привести слова для похвалы. Это классики. Их много. Но только в сравнении с вершиной Олимпа. Гневные стрелы с вершины достигают-таки эту ступень, достаётся и им. Но и современники часто отдают им должное.

Ещё ниже, у подножия Олимпа, живут хорошие поэты. Они пишут добротнo, правильно, перекликаются с классиками. Ухитряются иногда сказать что-то своё. Среди них встречаются оригиналы, улавливающие отголоски мыслей богов, находящие свои, неизведанные тропки, но не умеющие это втиснуть в поэтические формы. И наоборот. Здесь поэтов много. Как ни странно, но чаще всего печатают именно их. Они даже ухитряются кормиться этим. Им ничего не грозит, боги к ним равнодушны. Зато современники обласкивают их.

Подступы к Парнасу-Олимпу захвачены эпигонами. Что о них можно сказать? Только то, что их большинство. Не слыша даже отголосков божественных, они мечтают о прижизненной славе. Они ближе всех к земле, оттого и стоят крепче всех, Они приспособлены к борьбе, к продвижению себя любимого любой ценой. И добиваются этого, ничуть не стыдясь и не смущаясь. И травят своими опусами нормальных людей. Тоннами переводят бумагу на издание своих книг. Или подлавливают беззащитного человека где-нибудь в стеснённых обстоятельствах: в автобусе, в поезде, на гулянке, и изливают на него звучный шансон тюремного разлива или что-нибудь неадекватное: «пока февраль снимает пальто, мы поняли только что, что ты одна и я один». Некоторые люди от этого заболевают. Некоторые «тащатся». Эпигонов боги не трогают, они забавляются их шутловством.

А как же весь остальной мир, те, кто не считают себя поэтами, потому что не пишут стихов? Оказывается, как и по-

эты, они живут и на вершине, и на склонах, и у подножия, и на подступах. Все мы, люди, сделаны из одной материи, все ходим вокруг одной горы и отличаемся только высотой орбит. Но одни знают об этом, а другие ещё не догадались.

Из жизни презентаций

Один знакомый поэт, живущий в Первомайском районе, издал книгу стихов и пообещал подарить мне один экземпляр. Поскольку я живу в Ленинском, что совсем не рядом, мы решили не тратить время на встречу, а встретиться на нейтральной территории, при случае. Тут вскоре случай и представился. Поэт должен был произнести в клубе Станиславского вступительную речь на презентации новой книги «Ж». Так я попала на это мероприятие. Подарив свою книгу, поэт усадил меня в маленьком, уютном зальчике, который быстро заполнился людьми с фотоаппаратами, камерами и букетами цветов. Я узнала, что это презентация очередной, уже двенадцатой (ого!) книги «Ж», чему невероятно удивилась, поскольку даже ничего не слышала о такой поэтессе. Очень любопытно послушать её стихи!

На сцене, на отдельном столике стояли экземпляры изданных поэтессой книг, на другом столике стояли зажжённые свечи, на заднем плане – экран, на котором появлялись соответствующие моменту картинки: то заставка книги, то несказанной красоты зимние пейзажи, то лебеди, то свечи. Звучала негромкая инструментальная музыка.

Поэт произнёс вступительную речь, которая оказалась солидной по времени, позитивной по содержанию, но совершенно обтекаемой. Потом вышла сама «Ж» и начала читать стихи из своей новой книги. И я испытывала всё большее и большее разочарование. Потому, что услышала плоские, затёртые, многословные перепевы: свеча, душа, милый мой и

прочее. Типичный кухонно-бабий набор. К тому же сляпанный на скорую руку.

А потом началось действие, в течение которого всё время хотелось протереть глаза и прочистить уши. Потому, что услышанное не соответствовало увиденному. Абсолютное ощущение, что попала в нереальный, несуществующий мир, где всё с ног на голову, где все знают правду, но врут по какой-то договорённости, непонятной одной мне.

Выступающие по очереди говорили о том, какую неоценимую пользу обществу приносит уважаемая «Ж»... Преподаватели музыки восклицали: ах! дети сочиняют песни на её стихи. И тащили этих детей на сцену – исполнять. И дети исполняли, по-детски серьёзно и трогательно. Правда, стихи от этого не становились лучше, потому, что изначально были слабыми. Преподаватели изобразительного искусства выводили на сцену молодые таланты, иллюстраторов детских книг «Ж». Да, рисунки действительно были великолепны. Все ликовали, превозносили «Ж», работодательницу, издательницу, благотельницу. А мне было грустно. Детей нужно воспитывать на ЛУЧШИХ образцах, а не подсовывать им нечто сомнительное, прививая дурной вкус.

Много чего было на этой презентации: хвалебных речей, цветов, музыки. Особенно музыки. Не только детской, но и профессиональной, например, её собственных детей, «по вине которых она счастлива» (это строка из стиха «Ж»). И, конечно, классической, например, звучащей фоном, беспрюгрышной серенады Шуберта. Очень впечатлило фортепианное исполнение юным дарованием, мальчиком Борей, Листа. В общем, всё было масштабно, зрелищно и звучно. И в этом размахе вырисовывался недюжинный организаторский талант самой «Ж», её пробивные способности, её умение удобно и с почётом устроить свою жизнь. Из чего

надо было сделать вывод: человек такого масштаба не может что-то делать плохо, всё, что выходит из его рук – заведомо хорошо. Понятно, почему никто уже не видит, что король-то голый! – стихи бездарные, написаны небрежно, а зачастую и просто безграмотно. Нет, возможно, у «Ж» есть интересные, своеобразные стихи, я просто не слышала всего, ею написанного. Хотелось бы услышать.

Под конец «Ж» удалось затащить на сцену даже профессиональный хор. Жаль, что время закончилось, всё пришлось спешно сворачивать.

Придя домой, я долго смеялась. Что бы ни делала, всё время вспоминались подобности презентации, этого хорошо подготовленного шоу, этой «ярмарки тщеславия», этой некусной пищи, поданной под хорошим соусом. То словечко какое-нибудь из стихов выскочит, то вдруг предстанет сама «Ж», скромно разводящая руками: ну, вот, видите, это же они сами, я же ни о чём не просила, ничего не знала. Потом стало грустно, подумалось: вот оно, время Антихриста, когда процветает серость, когда под видом добрых дел, извращаются детские души. Таких почестей достоин автор, скажем, «Медного всадника» или «Белой стаи» и «Подорожника».

Захотелось узнать о «Ж» подробнее. Выяснила, что её неоспоримые организаторские способности нацелены на успешное получение грантов. Благодаря грантам она издаёт в год несколько книг своих, по её же словам, «куплетов» и сказок, иллюстрированных детскими рисунками. Выяснила, что она, с присущим ей напором, рвалась в Союз писателей. Это странная организация, в которую можно попасть, только потрясая стопкой изданных книг. Где талант обсуждается, обсасывается, вываливается в грязи (не догадываюсь даже, почему, может быть, чтобы не зазвездился) – и принимается. Бездарь не обсуждается, он попадает по знакомству. Чаше

всего его медленно, но упорно втирают, протискивают, пропихивают. Но закалённые перцы обоих Новосибирских Союзов тут оказались единомышленны. Никакие способы, рычажки, звонки, стопки изданных книг и прочее не помогли «Ж» туда проникнуть. Но она не из тех, кто отказывается от задуманного. Знакомые нашлись в Москве, и она стала-таки членом Союза писателей! Но всё оказалось слухами, слава богу! Остаётся только удивляться и разводить руками: ну не молодец ли? ну не последние ли настали времена? Нет, не последние!

